

Протоиерей Алексей Лисняк

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ЛУГА

Алексий Лисняк
Земляничные луга

Фонд «Традиция»

2019

УДК 821.161.1-322.2Алексий
ББК 84(2=411.2)6-44

Лисняк А.

Земляничные луга / А. Лисняк — Фонд «Традиция», 2019

ISBN 978-5-00152-014-6

О чём эта книга? Трудно ответить однозначно, поскольку любое, даже самое маленькое произведение искусства охватывает всю полноту, всё многообразие человеческой жизни. Одно можно сказать с уверенностью: в этой книге нет «рассказов батюшки о прихожанах», здесь рассказы писателя о жизни, о людях, о нас. О нас, объединённых одной Землёй, одним Небом, одним Богом.

УДК 821.161.1-322.2Алексий

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00152-014-6

© Лисняк А., 2019

© Фонд «Традиция», 2019

Содержание

Предисловие	6
Кровная родня	7
Пастораль	7
Слон забрался в огород	12
Коля из деревни Зуево	18
Мангал	24
Праздник жизни (рождественский рассказ)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

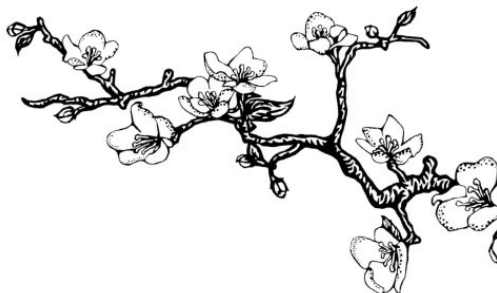
Протоиерей Алексей Лисняк
Земляничные луга: сборник рассказов

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-912-0458

© Алексей Лисняк, 2019

© Фонд «Традиция» 2019

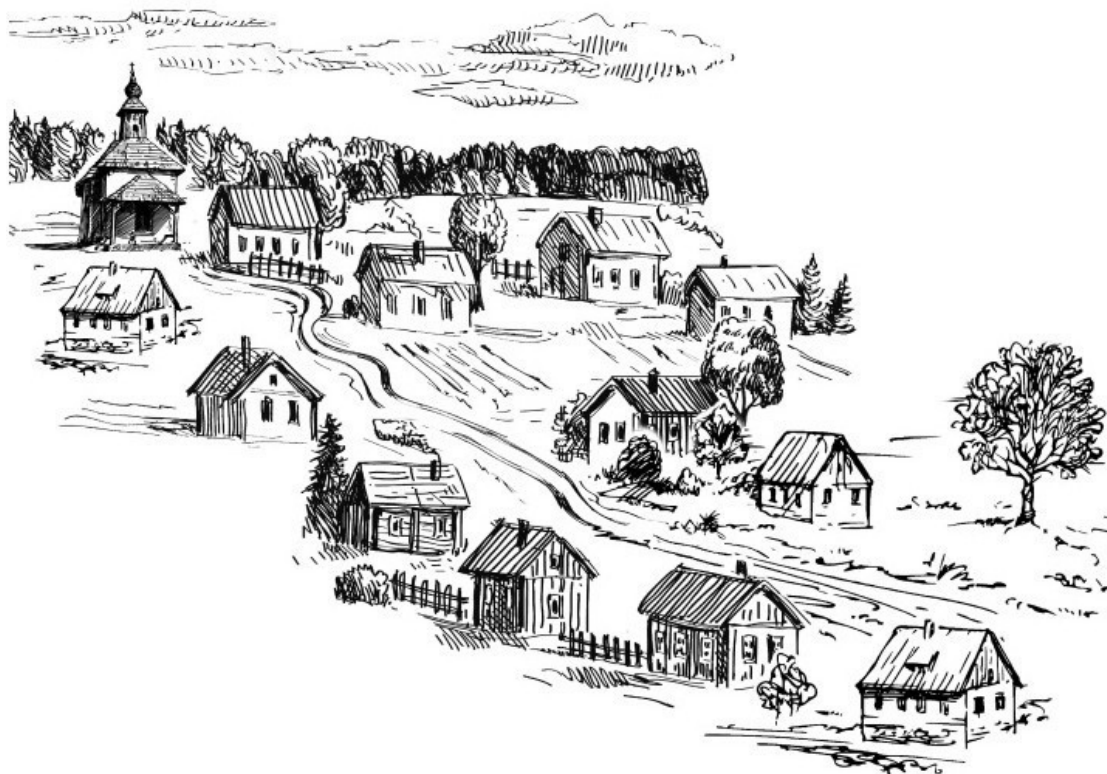
Предисловие

После прекрасной русской прозы ярких авторов, как Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, после ухода этих замечательных, я считаю – святых людей в нашей русской литературе таких писателей осталось мало. И очень приятно мне было познакомиться с рассказами о. Алексея Лисняка. Эти рассказы меня взволновали, понравились простотой, доходчивостью. В рассказах Лисняка – душа человеческая – наша православная душа русского народа, простого человека, который нуждается и в слове Божьем, и в покровительстве Божьем. Наш народ, вроде безбидно живущий, вместе с тем не может удалиться от страданий. И эта боль за страдающего человека, за живущего на Российской земле, она в его рассказах чувствуется. Рассказы его полны добротой, искренностью и, что ещё приятно, любовью к земле Русской: он чувствует небеса, цвет яблонь, запах цветов на Земле. Земля-то прекрасна! Жить человеку да радоваться, но приходится страдать и оглядываться... И что ещё тяготит душу человеческую – это память о невзгодах, которые приходили в прошлом на его жизнь и судьбу. Всё это очень ярко выражено в рассказах Лисняка. И вместе с тем эти рассказы дают человеку надежду, надежду и веру в то, что не всё ещё потеряно. Когда веришь, жить легче. Вот эту-то веру – веру в Бога и внушает проза о. Алексея. И за это спасибо ему.

*Народный артист России
Александр Панкратов-Чёрный*

Кровная родня

Пастораль

Отец Георгий из села Горянина, как известно, любит жизнь. Особенно Жизнь вечную. Батюшка часто о ней мечтает, и всякий раз при мысли о Вечности его стареющий взгляд просветляется.

А недавно отец Георгий видел сон. Будто он на лугу. Только-только пробежал дождик, радуга в полнеба, а вокруг – ах! – даже слов нет! Умытые фиалки щурятся свету, колокольчики малиново трезвонят, иван-чай кивает пузатому шмелю, приветствует «Утро доброе!» – душа поёт! Облака в синеве – барашками, и где-то там, высоко-высоко, ручейками льются жаворонки. Вокруг отца Георгия добрые овечки. Батюшка их лелеет, запускает пальцы в белые кудряшки: «Овечки мои, пасётесь?» Над облаками – батюшка знает – Бог. Бог благословляет всех, и все рады. «Привёл-таки Господь упасти своё стадо». И овечек-то всех-всех священник знает, будто это его прихожане. Вон та, голубоглазая, – это бабка Маруся, она ещё, было дело, всё исповедоваться боялась. А вон та, розовоносая, – это Лукичёва Танька, соседская девчушка-подросток, которая весной помогала батюшке картошку сажать. А вон тот белоzubый крепкий мблodeц – совхозный зоотехник Николай, которого отец Георгий уговорил-таки в этот год поститься.

Ух, какая она, оказывается, Вечная жизнь! Бабочки порхают, и с ними порхает батюшкина душа. Прописаться бы на этом лугу и цвести алым маком! Его преподобие от счастья прослезился, подумал, что он чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века, хотел было в радости перекреститься, уже и руку занёс...

Но тут под окном заорал петух.

Отец Георгий проснулся и уставился в потолок...

Ночью пробежал дождик, предрассветная свежесть колышет на окнах тюль. В форточку веет зеленью, будто с того самого луга, и батюшке долго-долго не верилось, что он дома, что это был всего лишь сон.

Весь день отец Георгий пребывал в блаженстве, ходил сам свет. Внучку катал на шее, она хихикала. Кошке отдал свою порцию холодца. По пути в храм бросил курам «мои ж вы ласточки», а когда повстречал Петровну, так ей улыбнулся, что та попятилась.

«Пастырь добрый душу свою полагает за овцы»...

...А Лукичёвой Таньке батюшка подарил серебряный крестик. Так день и прошёл.

Вечером, чтоб не забыть своего пресветлого видения, батюшка решил всё, что снилось, описать. Он заперся в комнате, включил внуков компьютер. Подумал-подумал и принялся тыкать в клавиши указательным пальцем. Сначала не клеилось: то нужные буквы прятались, то мысли разбегались. Но ближе к ночи батюшку накрыло такое яростное вдохновение, что он обо всём забыл. Разгорячённый, он вбивал пальцем в литературное полотно полуночные откровения, делал это всё проворнее и проворнее. Получался настоящий полноценный рассказ. Автор самозабвенно подпускал в него много всего такого, нужного. Райский лужок из того сна украшали всё новые и новые детали: «плачущих ангелов» сменяли «рук воздеяния», «поруганные святыни с угасшими лампадами» чередовались здесь с «воздаяньями усопшим». К месту пристроились «коленипреклоненные молитвы о пастве своей». Яркой линией через всё полотно тянулось здесь главное: «Однажды мне приснился один сон», и лились бесконечные «слезы умиления».

Когда под окном заорал вчерашний петух, отец Георгий озаглавил произведение «Батюшка и овечки» и поставил под рассказом точку...

Супруге отца Георгия духовный рассказ понравился безоговорочно, как только она проснулась. Потом духовный рассказ настиг поднявшуюся дочь и скоропостижно понравился ей. Потом белые овечки вероломно подкараулили старенькую Архиповну, которая гнала в тумане свою корову мимо дома священника. Потом, когда мимо батюшкиного крыльца проходила учительница Анна Ивановна, рассказ озадачил её. И она посоветовала отцу Георгию разместить «Батюшку и овечек» кое-где в сети, даже сама помогла это сделать и показала отцу Георгию, где смотреть читательские комментарии и как отвечать...

Солнышко выпило утренний туман и сияло над счастливым селом. У соседей визжал поросёнок. Отец Георгий сидел перед компьютером, ждал отзывов и волновался. Наконец дзынькнуло, и на экране высветилось: «Елена прокомментировала вашу заметку». Батюшка затрепетал, навёл курсор и прочёл: «Спаси Господи за такой тёплый рассказ». Священник

улыбнулся и ответил: «Во славу Божию». Снова дзынькнуло: «Мария прокомментировала вашу заметку». Батюшка, волнуясь, схватил мышь и увидел: «Спаси Господи, отец Георгий». Вскоре компьютер батюшку ещё раз поблагодарил. А потом ещё. Потом благодарили какие-то Валентины, сразу три штуки, потом некая добрая Анна. Неизвестная Вера тоже благодарила, правда, указала и на ошибки, но это не суть, дело житейское.

Похоже, отцу Георгию удалось передать своё высокое настроение от того дивного сна. Волнение сменилось тихой радостью. Пастырь, овечки, духовная идиллия! Потрудился пастух, привёл своё стадо на святые пажити. Сподобил Бог, по молитвам. Автор потянулся на стуле, почувствовал, как зудят за спиной крылья, просят полёта, и снова услышал «дзынь». Компьютер сообщал, что «его заметку» прокомментировал некий Недовзоров. Пастырь открыл комментарий и остолбенел: «Попья дурья башка! Молится он, видите ли! Поди уже старый, а всё не допёр – в этой жизни всё, ну абсолютно всё, зависит только от человека. От человека, а не от бога. Хоть ты башку об пол разбей, а гвоздь сам не вколотится и картошка сама не посадится».

Сюрприз...

Крылья повисли. Оторопелый автор «Батюшки и овечек» перечитал комментарий несколько раз. Тут бы парировать, а указательный палец никак не отыщет нужную букву. И то правда: ну как на это ответить?

Отец Георгий из села Горянина и без Недовзорова знает, что гвозди сами не вколачиваются, – над прудом розовеет храм, который настоятель собственноручно обивал дранкой под штукатурку. И про картошку настоятелю известно, что она не ангелами сажается, деревня как-никак. Да и что это за откровения? Зато новость, что «в жизни всё зависит только от человека», батюшку озадачила. «Это что же, захотел сам себе народиться и народился? Так по его выходит?»

Настроение испорчено.

Настоятель вышел на двор. Взял колун, поводит над берёзовым чурбаком, замахнулся и... опустил. Взял было грабарку, сунулся чистить поросячий закут, а там – хрю! Почудилось, будто из-за загородки опять оно: «Попья дурья башка! Хрю!» И харя ещё свинячья.

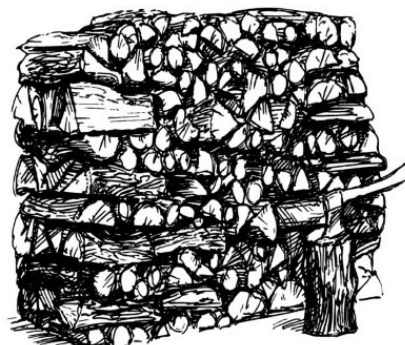
– Что, тоже, поди, думаешь, что в жизни всё от твоего хрюка зависит? Не дам вот тебе жрать, как тогда захрюкаешь, а?

Побродил батюшка по двору, поглядел в огород, где картошку, которая «сама не посадится», пожирает колорадский жук, да и пошёл себе в дом.

К ночи расплясалась гроза. То где-то за лесом притопнет, то за фермой. Сна нет. Отец Георгий ворочается, всё думает, думает: «Ну вот тебе, скажем, молния. От кого зависит, куда она сейчас долбанёт? Ох ты горяшко...»

... Стихия улеглась только за полночь. Где-то по-над речкой защёлкал шальной запоздалый соловей. «От кого он зависит, а?»

Священник всё пытался постичь, как нужно ответить Недовзорову, чтоб его просветить, но ничего не придумал и только лишь разозлился на себя.

Перед рассветом бессонница сказала: отец Георгий сел выпить чаю, притулился к печке и задремал. И снова пригрезился райский лужок! Только теперь лужок далеко, там, за речкой. И там, в луговых ароматах, блаженствует – сама кудряшка – бабка Маруся. Там и Танька Лукичёва: вон крестик сияет серебром. И зоотехник тоже там, со праведными. И все-то там! И лишь отец Георгий отчего-то не с ними. И как туда перебраться, совсем ему невдомёк: ни моста тебе, ни лодки. Стоит его преподобие, за спиной лес, кручинится, тянет к овечкам руки... А тут его кэ-эк толканёт пониже спины: «Бе-э!» Обернулся батюшка, а это баран. «Но как же, барашкам ведь там, на лугу, полагается!» Да и сам отец Георгий хочет туда, за реку, где свет и радость. А этот всё носится кругами: «Бе-э!» От отчаяния батюшка во сне даже расплакался. «Да как же!» И вдруг будто архиерейский голос с того берега:

– Эй, преподобие, чего стоишь?! Хватай барана и дуй сюда! Гляди, сколько тут у нас места, на всех!

У батюшки даже коленки затряслись.

– Да как же нам! Тут и самому через речку никак, а этот ещё носится, бодается. Бе-э ему, видите ли.

– А ты кто тут на земле?! Пастух или размазня?! Зачем Бог тебе стадо доверил, а? Хворостину у воды срежь и гони его сюда вплавь, покуда волки не зажрали! Овечки ждут, им пастуха надо, а ты всё с одним этим малахольным хороводишься! Тоже мне, понимаешь! Шевелись!

Пастырь обернулся, а из леса и правда волки, барашка учуяли, идут, с клыков капает. А этот всё носится, не понимает. Блеет ещё, глупый, и так уж его услышали. Ох, беда прямо. Спасать надо...

Тут пастуха опять боднуло, он и проснулся.

Огляделся. Из рукомойника капает, кошка зевает, язык высунула. Под окном квохчут куры. В тумане старенькая Архиповна гонит корову, позвякивает ботало. Отцу Георгию – известному жизнелюбу – жаль своего пресветлого лужка. И себя жаль, и барана, и овечек, что остались там без присмотра. Он поморщился, потёр у сердца... Потянулся напиться, а руки дрожат, вода из кружки проливается. «Во сне и то с ним не сообразишься. А наяву как быть? Тут и вовсе...»

Поднялся полить герань – пол кружки пролил. Ох...

Киса трётся о ноги, глаза голодные: «Мя-а!» Батюшка положил ей в миску творожку, а она опять тарашится и – «Мя-а».

– Глупая, ступай, вон у тебя в миске лежит!

А она в глаза смотрит и всё только «мя» да «мя».

– Ты этак с голоду помрёшь при свежих харчах! Иди, говорю! Вон там!

Не понимает Киса, смотрит голодно. Отец Георгий разозлился:

– Тебя что, носом надо? Чтоб тебе же хорошо, да? – взял за шкуру и мордой – в творог. Тут кошка и давай наворачивать. Батюшка пробормотал: – Коли жалеешь Божью тварь, так и носом иногда приходится. Во как... А этого, от которого «всё в жизни зависит», не жалко, что ли? Тоже ведь тварь Божья, какая-никакая... Отмахнись от него, так ведь он и пропадёт. Ох...

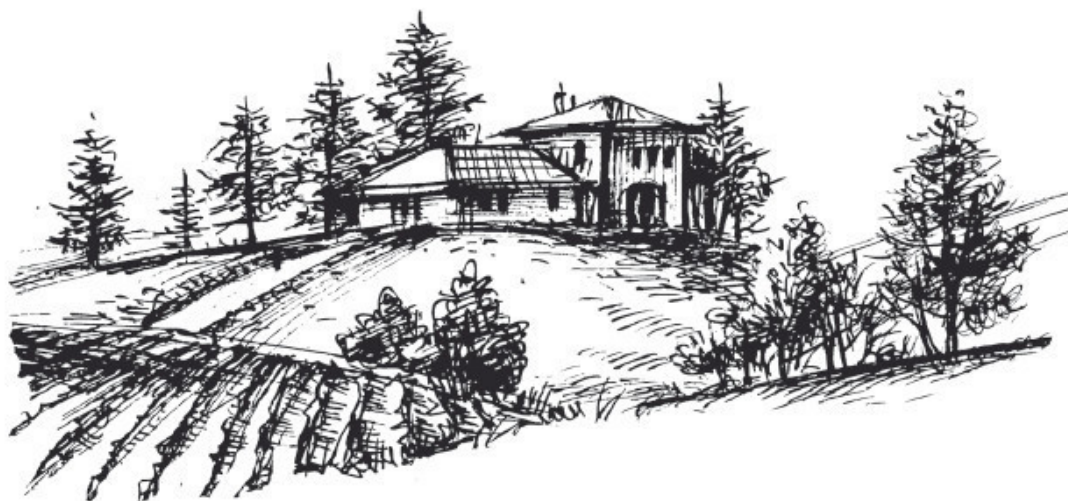
Отец Георгий вздохнул и побрёл к компьютеру свой последний сон описывать. «Надо, чтоб из этого сна настоящая проповедь получилась. Чтоб Недовзоров прочёл и уверовал, чтоб проникся, чтоб прямо носом – во благое».

Сперва проповеднический опус не давался, буквы терялись, слов не было. Но потом из-за печки высунулась давешняя Муза, подстроила свою дребезжащую лиру, принялась помогать, и нужные слова сами посыпались: тут тебе и «струны души окаянной» зазвенели, и «покаянья солёный вкус» возник, и «слезы сокрушения» пролились, и «преддверие могилы» зазияло. И даже тебе «окстись».

Вечером эпическое литературное полотно «Батюшка и баран» уже собирало в сети свои комментарии.

Слон забрался в огород

Когда Володя Капустин овдовел, ему показалось, что жизнь окончена: сорок семь лет, дети разъехались, с работы сократили, ибо в век инноваций зоотехники никому не нужны, – одно к одному. Но хозяйственные хлопоты, как известно, врачуют. Было дело, раньше хлопоты врачевали покойную супругу, теперь же они принялись за его – Володино – исцеление. Он и сам не заметил, как «рана на душе» зарубцевалась, а слёзы высохли: в хлеву у Капустина мычит, в курятнике кудахчет, в закуте хрюкает – всё требует рук. И в огороде тоже – не горюй, успевай-поворачивайся.

На полустанке, где сидят с домашним товаром сельские торговки, Володя занял место своей покойницы. Когда из электрички вытекал на платформу охочий до «экологии» дачный народ, Капустин громче соседок провозглашал своё: «Молоко, молоко домашнее! Картошечка, тёпленькая картошечка! Маслице!» Со своей тележкой вдовец проворно суетился, и нерасторопные старухи, оказавшиеся вдруг при таком соседстве в финансовой яме, сильно его невзлюбили. Ходили слухи, что бабка Галя, которая торгует прогорклыми семечками, посетила как-то местную шепталку, чтобы та извела конкурента проклятого.

Но знахарка, видать, накануне не выспалась, и вместо того, чтобы околеть, Капустин смастерил себе тележку больше прежней и расширил ассортимент.

Дом энергичного вдовца приятели теперь обходили. Вечерами одинокий уставший Володя усаживался в кресло, гладил пухлого рыжего кота и смотрел дремотными очами программу «Время». Однажды сосед привстал на цыпочки, с надеждой заглянул в капустинское окно и скис: «Даже и не выпьет! Чё просто так сидеть-то? Сбрэндил, – и философски заключил: – Всё. Нет былого огня в Вовиной крови».

Но огонь в Вовиной крови бушевал! Правда, бушевал в основном по ночам, поскольку днём не до огней. После крестьянского дня Владимир зевал, выключал телевизор и вырубался. И снилась ему одинокая дачница Елена Сергеевна, которая проживала в доме с запущенным садом на краю села. Снились её длинные волнистые волосы, её не по возрасту хрупкий стан, её свободное длинное платье, и не только. В полночном пруду плавала луна, седина лезла в Володину бороду, зудело ребро. Сны витали над его изголовьем, как в далёкой допризывной юности.

Однажды на улице дачница подмигнула Капустину, Капустин пришёл домой и произнёс: «Женюсь». Кот, дремавший в кресле, приподнял рыжую голову и услышал от хозяина следующее: «Пойми, урюк, человеку одному на земле противопоказано.

По хозяйству одному уже никак. И дети...

Дочке отправить надо? Надо. Двум пэтэушникам в общагу надо? Надо. И пирогов домашних хочется. Да и вообще. Сегодня и посватаюсь». Кот зевнул, помотал головой. В его зелёных глазах читалось: «Давай, приводи ещё рот на нашу сметану. Самим мало».

– Приведу, – пообещал Володя.

Актёр Тихонов в известном фильме как-то сообщал, что от людей на деревне не спрятаться, и был прав. Среди торговок на полустанке про Елену Сергеевну поговаривали, что будто бы на заре она купается нагишом, мяса не потребляет, а вечерами из её окон гундит странная песня, в которой поминаются такие предметы: харя, крыша, снова харя и почему-то рама. Какая такая эта рама, торговки не знали. А ещё у неё временами гостюют лысые друзья. Капустин смекал, в чём дело: сам когда-то, живя в общаге сельхозинститута, дружил с бритым наголо лоботрясом Костей. Костя плясал на левой ноге, звенел колокольчиками для донки и горланил «Харе Кришна». За прогулы Костю отчислили, а Капустин и без Кости потом ещё долго слушал Гребенщикова и временами Рериха полистывал. И хотя по всему выходило, что Елена Сергеевна «из этих», но ещё одна пара рук в хозяйстве не была лишней, а ночью и вовсе нет разницы, из тех она, из этих или ещё из каких.

Вечером Капустин побрился-собрался, начистил туфли. Долго думал, что взять в качестве гостинца. Сало и окорока по понятным причинам отпадают, вина-коньяки – тоже. Остаются цветы, вон их сколько в палисаднике, но с ними за двор – никак: старухи заключают. Капустин решил задачу так: взял сметаны, банку мёда, головку домашнего сыра и, оглядываясь, огородами двинул на край села, где в запущенном осеннем саду стоял домик яркой цветастой дачницы.

К подворью дачницы вела заросшая бурьяном тропа. Володя обстрекался крапивой и нацеплял на штаны репёв. У калитки отряхнулся, оправился. Во дворе некошеный бурьян стоял лесом. «Мужика нет, – убедился Капустин, – а то б скосил». Он толкнулся в калитку, калитка упала. «Починим», – решил Володя и воззвал:

– Хозяйка! Гостей принимай!

Дверь тягуче заскрипела, будто это и не дверь вовсе, а сам дом норовит стать к лесу задом, а к гостю передом. На крыльце показалась хозяйка, одетая будто давняя студенческая подруга недоучки Кости, что скакала тогда под его рыбацкий колокольчик. Хозяйка покло-

нилась, её седеющие волосы вблизи не показались Владимиру такими уж привлекательными. Гнилые ступеньки крыльца зловеще скрипели, когда гость поднимался, а одна и вовсе провалилась. Мужика дому не хватало давно.

В комнате назойливым комаром монотонно звенит и постукивает незримый гаджет. В скрипе-постукивании слышна нудная песня про ту самую «харю», о какой судачили на полустанке. С потолка свисают пыльные бумажные гирлянды, с картины пялится страшное синюшное существо. Другая картина а-ля Рерих изображает горы. После срочной службы на Кавказе Капустин горы ненавидел. Он считал, что равнина, особенно русская, – это самое живописное явление. Что может быть живописнее майского заливного луга? Или реки? Или луга у реки? В юности Вова искренне недоумевал, почему Рериху всегда требовалось рисовать именно горы, и подозревал у художника расстройство ума.

Владимир подмигнул хозяйке, выложил на стол свои домашние гостинцы, и тут же у его ног засуетились две тощие кошки. «Кошки-то совсем чабошные, – отметил Володя, – ничего, откормим». Оглядел хозяйку: «И её откормим». Сладко-горький дымок струится под закопчённым потолком, тускло мерцают свечи, комариным роем звенит нудная песня. Хозяйка жестом Зиты (или Гиты) указала гостю на старомодное кресло, гость сел.

– Знаю, что привело тебя в мой дом, – пропела хозяйка голосом, похожим на голос артистки Касаткиной, что озвучивала чёрную, как гудрон, наставницу индуса Маугли. – Ты ищешь свет, ты ищешь истину.

– Видите ли, Елена Сер...

– Молчи, – перебила Елена Сергеевна и приложила палец к губам, – тиш-ше. Тебя привёл он. – Она указала на стену, где синее существо с дудкой. – Сейчас мы будем пить чай, и ты попробуешь торт. Ты любишь торт? Молчи. Ты ещё не знаешь, какой изумительный торт мне привезли.

«Эге! – подумал Капустин. – Эта тебе – не вахлачок Костя из общаги. Эта сразу – за рога да в стойло!»

А хозяйка продолжила:

– После чаепития тебя коснётся он, – и указала на синерожее существо.

Володю передёрнуло, он не хотел, чтобы его касалась эта потусторонняя личность.

Хозяйка удалилась. Спустя минуту она внесла залапанные чашки и крохотный тортик. Володя решил, что после чая он и расскажет хозяйке, что пришёл не за какой-то там истиной, а за ней, за Еленой Сергеевной, расскажет, как они с ней заживут. Ведь у него и корова, и прочее, и дом – полная чаша. Всё есть, а хозяйки нет. И он принялся жевать торт, отдающий резиной. Первый кусок никак не хотел проглатываться. С трудом Владимир одолел его, и тот – шлёп! – упал в утробу. А следующий кусок шлёпнулся почему-то в голову. В черепе пошёл эхом гулять звон. Потом горы на картине задрожали, и комната завертелась в трёх направлениях. «Э, да она же ведьма!» – подумал Капустин, и его замутило. Захотелось переловить невидимых нудных комаров, захотелось, чтоб заткнулись голодные кошки. Синий портрет с дудкой зловеще выпучил свои добрейшие глаза, раздул ноздри. Хозяйка что-то шептала, прикасалась ко вдовцу одинокими горячими руками, которых было ровно пять. И сквозь огоньки, скрипы, жесты, дудки, сквозь горы и шёпот далёким ветром доносило до слуха Капустина хрюканье голодного капустинского борова и мычание недоеной капустинской коровы – самой обыкновенной коровы, не священной, а потому глупой и вряд ли одобряющей священную кулинарную наркоманию. За окнами порозовело вечернее небо. Володя собрал остатки воли, поднялся, прицелился в двоящуюся дверь и выскочил на воздух. Раздосадованное синее существо выдохнуло в свою дудку, гора на репродукции уронила камень. Елена Сергеевна ничего не заметила – она пребывала уже не здесь, она спускалась к Великой реке, созерцала круги на воде, оставляла следы на песке и ощущала синее просветление. Мир не трогал её обрахмапутренного слуха.

Утром у Владимира Капустина трещала голова и ломило суставы. Что поделаешь... Сердобольная вдовья соседка Валя кружилась по капустинскому хозяйству. Управилась с капустинской Зорькой и теперь хлопотала на кухне, гремела посудой. В доме пахло мятой и чабрецом. Поцокивали ходики, потягивался и зевал рыжий кот. Володя лежал с мокрым полотенцем на голове, которое гасило вчерашнее эхо, без интереса щёлкал пультом, переключал каналы. Крышу мыл сентябрьский дождь, и радости на свете не было. Володя листал каналы, с отвращением вспоминал вчерашнее и думал о своей нынешней помощнице-соседке. Сколько раз она выручала. И с поминками... тогда... когда это... Сам много ли успел бы? И когда к детям в город отлучиться, она за его скотиной приглядит. И вот сейчас. А оно ей надо?.. Пусть она и не яркая, как та, пусть не умеет наряжаться. Ну и что? Сам тоже ведь давно уже не тово-этово. А она и пироги умеет, и возится тут с ним, хворым...

Володя снова щёлкнул пультом – и влип в экран, и даже привстал на постели: показывали Индию! Леся и Бедняков рассказывали о просветлённых индусах. В телевизоре трясли перед камерой своей голой непосредственностью голодные рахитные ребятишки, в грязной лохани грязная женщина полоскала грязное бельё. Мухи облепили нечто прямо посреди тротуара. Потом показывали столичный вокзал. Там граждане бомжеватого вида штурмовали побитую электричку и топтали друг друга босыми ногами.

Капустин позвал соседку и ткнул в экран – гляди! На городском бульваре что-то подбирали из-под грязных прохожих ног и совал в свой беззубый рот косматый старик. Поодаль макаки вычёсывали блох и переругивались на своём макакачьем наречии. А над всем этим житьём-бытьём, с фасада единственного приличного здания английской постройки, застенчивый синий Кришна благословлял дудкой, одобрял своих верных просветлённых подданных.

– Гляди ты, – вздохнула соседка, – а посмотришь ихние фильмы, так сплошной праздник с танцами. А у самих вон, вон, гляди – слон забрался в огород!

– Это не огород, – сказал Капустин, – нет у них огорода, просветлённые они. Это он так просто шастает, улицу удобряет.

– Ох, смотри, до чего народ-то чабошный, то-ощий! Да в их климате можно было б три раза в год картошку копать! А они...

Рядом с людьми паялился в телевизор рыжий кот. Может быть, ему нравился слон, может, мартышки. Никто в мире не знает, что творится в маленькой кошачьей голове при виде слона и мартышек...

Включилась реклама.

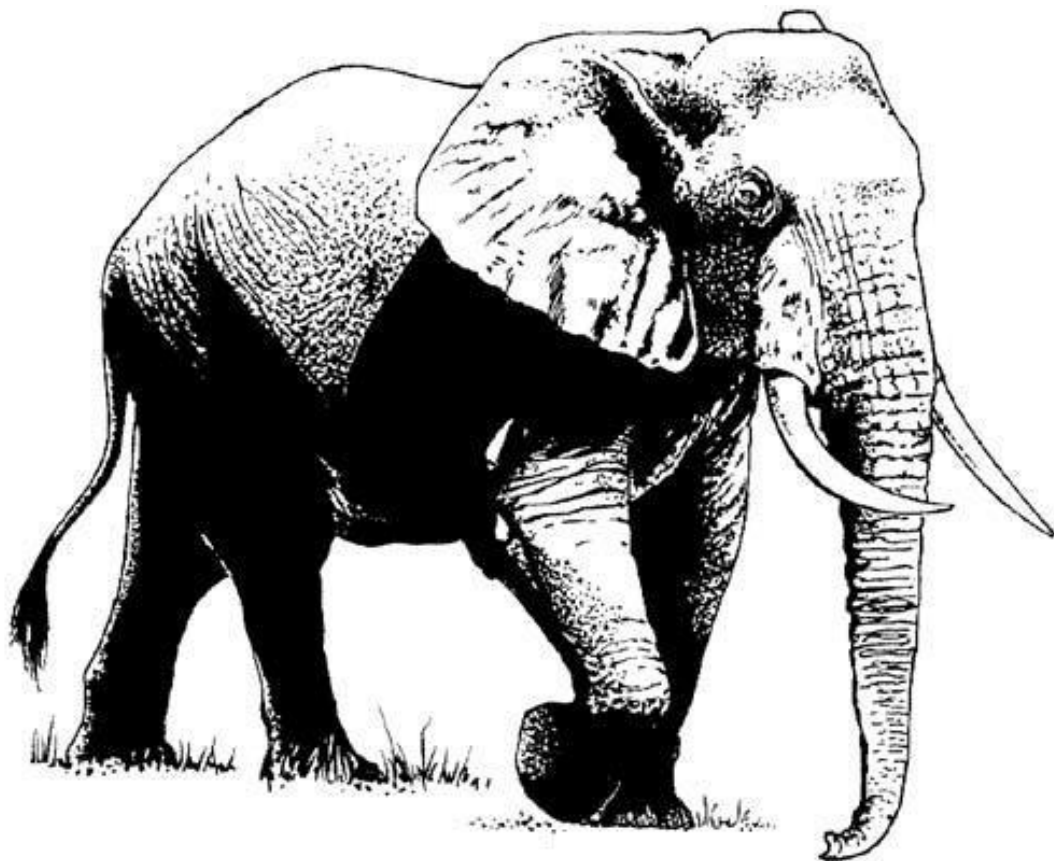
Володя сорвал с головы повязку: «Просветлённые, туды их!»

...А потом в телевизоре сказали, что в следующей серии Леся и Бедняков отправятся теперь к другим просветлённым гражданам, в соседнее королевство Непал, прямо в его столицу, в Катманду. Это слово Капустина согрело.

– Точно! В Катманду! Туда вам и дорога, – имея в виду свою вчерашнюю неудавшуюся невесту и всех её коллег по просветлению и кулинарии, сказал Володя Капустин. И повторил: – В Катманду.

По-прежнему шумел по крыше дождь, сидела рядом потрясённая слонами соседка Валя.
Где-то у дальнего пруда мок под дождём пастух и жевали печальную осеннюю траву Вовина
и Валина коровы.

Головная боль помаленьку отпускала.

Коля из деревни Зуево

Коля из деревни Зуево – это настоящий богатырь. Плотный – кровь с молоком, и кулачищи – во! Плечи широченные, а душа ещё шире. Коля добрый, как медведь из детской сказки: чеши его против шерсти, тяни его за уши, хоть запряги его – всё стерпит медведь. Но зато если унюхает к кому несправедливость или ещё хуже – кощунство, тут уж лучше сразу улепётывай.

Вот когда ещё Коля ходил в парнях, деревенские повадились на дискотеку в район. На чужом пиру, известно, пришлым иногда не везёт – прилетает. Ребятки и брали с собой Колю «на счастье». Он войдёт с ними, станет в уголке, топчется. Местные видят, с кем Коля, и деревенских не задирают. А Коля ждёт, пока парни надрыгаются с девками под «Руки вверх», охраняет. Потом вместе возвращаются шумной кривоватой компанией.

Вот идут они как-то раз подогретые, весёлые. Перед их деревней на дороге ржавый знак «Зуево». Обладая остроумием, никак этот знак не миновать. Остряк в компании есть – это Эдик. И как он раньше-то всегда мимо проходил?! А тут... «Зуево»... Замазал Эдик первую букву грязью и пальцем по грязи вывел изящный икс. Ржали все, дружно.

И Коля тоже сначала ржал. А когда сообразил, что это над его родной деревней совершилась такая несправедливость, кощунство... Ох... Эдик не успел испугаться, не вякнул, летел с насыпи в канаву – кусты трещали. Пацаны на Колю вылупились, мол, ты чего? А он в землю уставился, мол, ничего: «А чего он!..» Эдика из канавы достали, и Коля сам же помогал ему выдирать репы из кудрей и грязь снимать со знака.

Время идёт, Коля взрослеет. Отслужил срочную, вернулся к отцу с матерью. Тут колхоз развалился... Стал Коля заниматься общественным пастухом и привык к этой должности, как будто для неё родился. А чего ему: на лошадёнку всем миром скинулись, он и рад.

Собирает Коля на зорьке коров со всех улиц на своей клячонке – кажется, вот-вот надорвётся под ним бедная лошадь, сдохнет. Пригонит стадо на луг, кляча отдышаться не может, язык высунула, а он дремлет в тенике под вязом. Чем не жизнь! Лежит Коля радуется, кулак под голову, гоняет в зубах травинку. Всё лето – праздник! Всю зиму – отпуск.

Годы потихоньку идут...

Пора бы Коле жениться, а он стеснительный. Да и нет в Зуево нормальных невест. Нормальные разъехались.

Но зато пришёл час, дождалась зуевская заброшенная церквушка себе настоятеля. Прислали батюшку старенького, лысого, совсем постного. Однако весьма бодрого. Батюшка сразу

деревню обошёл, со всеми перезнакомился. Коля ему очень понравился. И как так получилось, что Коля к батюшке тоже сразу привязался. Душа запросила, что ли? Сроду ведь он до своих тридцати трёх попов не видал. А батюшка и рад – помощник ему, кадило подавать. И стал Коля алтарником. Пошили Коле стихарь-дирижабль...

Вот идут они на малый вход: бабульки чуть слышно попискивают с клироса, алтарник со свечой боком еле-еле просовывается во вратницу – вот гляди, дверной проём лопнет, разойдётся – ступает, половицы под ним гнутся, а следом маленькой бесплотной тенью отец настоятель. И голосок его такой:

– Прему-удрость, про-ости! – искушение, прости Господи! Ну как тут молиться?

Вскоре затеял батюшка в храме ремонт, и началась у Коли хлопотливая пора. Успеваает и со стадом, и в церкви. Что-то грузит, что-то месит, что-то пилит всё лето. А ближе к осени послал где-то Бог настоятелю средства, и тот заказал комплект колоколов.

Вот привозит машина заказ, манипулятором всё сгружает. Собрались возле церкви люди, глядят: пять колокольчиков, так и сияют, новые. Главный, наверное, под центнер, остальные поменьше. Солнце на них поигрывает. Зуевские о таком и не мечтали, радуются. Батюшка к народу повернулся: надо, мол, кран нанимать, поднимать их на колокольню. А тут Коля: зачем кран, я сам подниму и сам повешу. Никто не удивился.

Немного, конечно, посомневались для порядка, но на том и порешили. Назначили дату, пригласили благочинного, фотографа из районки, начальство...

В назначенный день собралось всё село, все три сотни. Благочинный в шёлковой рясе, сельсоветский глава на узике, участковый. Коля – при своей вечной телогрейке. Отслужили молебен, погундели речи, и началось. Четверо мужиков подняли большой колокол, Коля под него головой подлез, принял на плечи. Благочинный раскрыл рот:

– Вот это ж бывает такой медведь!

Фотограф забежал вокруг, щёлкает.

Коля качнулся и двинулся к трапу – колоколенка невысокая, трап положили от пожарной машины, длинный, не шибко крутой. Мужики засуетились вокруг медведя, под ногами путаются, как будто помогают. Вот Коля шагнул на трап, тут помощники отстали, пошло легче. Трап прогнулся, заскрипел. Народ примолк, батюшка крестится. Коля шагнёт – приставит ногу, ещё шагнёт – постоит. Видно, и такому богатырю тоже не всё просто. А на полпути, сам потом говорил, даже испугался. Духу, говорит, вовсе не осталось, назад нельзя, вперёд не могу. Не бросать же. Стал про себя молиться и как-то, сам не заметил, добрался до верха. Тут сразу и мужики за ним по трапу бросились колокол принимать, крепить. Следом и фотограф. Коля на цыпочки привстал, поднял колокол к хомутам, мужики сунулись было вставлять клинья – глядь, а клиньев-то и нет. Заорали вниз в народ, чтоб там на земле поискали. Слава Богу, быстро нашли их, возле молебного столика валялись. А Коля всё держит. Клинья принесли, опять Коля на носки приподымается, мужики давай клиньями в ушки целить, а тут фотограф: «Дай-ка с этого боку щёлкну. Да погоди, вот теперь отсюда зайду». Коля на него даже заругался. Потом спохватился, что Божье дело совершает, и позволил щёлкать этому ироду, сколько влезет. Ну, с Божьей помощью всё прошло хорошо. Колю потом долго в народе хвалили.

После и газета пришла, фотографию разглядывали: впереди благочинный – шёлк переливается, с ним – глава, сбоку участковый цветёт, где-то вдалеке батюшкина бородка отсвечивает. А позади всех, почти не видно – мужик с колоколом вместо башки...

С новой звонницей Зуево будто ожило. Вроде всё по-прежнему: ни работы, ни дорог, ни фельдшера, ни газа, а только слышишь, как утром колоколенка поёт, и на душе праздник – самое что ни есть Светлое Воскресение. Местные ребяташки намостырились хорошо звонить. Батюшка сам с ними лазил, обучал...

Как-то на зорьке Коля гнал своё стадо, посвистывал. Вдалеке, в пойме – видно – туман. И зябко пастуху туда глядеть и радостно. Давит свою клячонку, улыбается. Стало стадо дорогу переваливать и немного замешкалось – взросло что-то вкусное по неезженным обочинам. Коровки пасутся, Коля на кляче, как Санчо Панса на ишаке, сидит. И сроду в это время никого по дороге не носило, а тут сразу целый «Лексус».

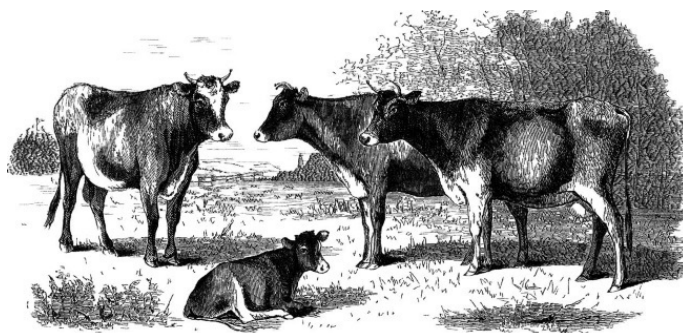
Розовый и номера столичные, гудит:

– Эй, деревня, коров убери!

Коля стал просить, чтоб не гудели, коровы пугаются.

А те светом моргают и ещё шибче. Коля извиняться, мол, мы сейчас, мы скоро. Ну, замешкались чуток, это же животины, глупые. А те опять на Колю, мол, это ты животины: козёл ты, и коровы твои – козлы. Коля давай их упрашивать, мол, если уж совсем спешите, так на вашем джипе можно ведь и сторонкой вот тут вот запросто объехать. А «Лексус» ни в какую, дай ему дорогу и всё. Тут, как на грех, в деревне колоколенка запела. Коля картуз долой, как был на лошади, так и давай креститься на деревню. А эти в машине увидели и совсем разозлились:

– Козёл, – говорят, – ты. Но не простой козёл, а право-сла-авный! И церковь твоя...

Ну... Зря они так. Ох... Коля покосился на них, перекрестился последний разок, картуз натянул. Поравнялся с розовой машиной, к самому окошку подъехал, откуда лаялись. Немного на лошади склонился, будто хотел в окошко заглянуть...

Хорошо, что водитель отстранился. Медвежий кулачище летел полукругом, снизу. Если б челюсть поддел или ухо зацепил, то грех был бы великий. А так изнутри шарахнул в крышу, как раз над водителевой тубетейкой, и ладно. Тогда уж джип гудеть перестал и объехать согласился, как Коля и просил в самом начале. И всё благополучно, миром и добром.

Наверное, до сих пор торкается где-нибудь в столичных пробках красивый розовый джип с огромной шишкой на темечке...

Лето – самая пастушья страда. Это только со стороны так, будто ему – пастуху – не бей лежачего. А кто пробовал сам, тот знает, каково оно: ты их для начала попробуй собери в кучу, попробуй перегони куда-нибудь, если, конечно, получится собрать. Тогда уж и рассуждай. А если пастух со слабинкой, они это чувствуют. Шалят, как всё равно сговорились. Лезут, глупые, во все стороны. А Колю коровки слушаются, как своего. Он только подумает, поднимется им казать, а они уже угадали и идут, куда полагается. И народ доволен, что не надо больше всем по очереди пасти.

В церкви совсем сделалось уютно. Всё оштукатурено, побелено, печку к зиме переложили, дров запасли.

Но вот совсем гладко-то всё не бывает...

Как-то смотрел Колин отец перед сном новости. Коля мимо проходил и тоже уставился в ящик. А там... Ох... Увидел Коля, где-то батюшку обижают. Одного обижают, а другого

убивают. Задышал Коля как-то нехорошо, глядит. Отец на Колю косится, уже что-то чувствует. А в телевизоре теперь школу бомбят. Коля не моргнёт, уставился, а там стали церковь обстреливать. Ох... Зря они так. Поиграл Коля желваками, пошёл к соседу, постучал. Сказал ему, чтоб он стадо принимал, отвёл ему свою клячу. Вернулся в хату, собрал рюкзачок, сунул в штаны паспорт с военником. Мать забеспокоилась, мол, ты куда? Коля на телевизор кивнул: «Туда». И на заре уехал.

Плохо стало без Коли, пусто. Коровы с утра мычали, ни в какую не слушались нового пастуха. Тот даже матерился.

Да и не одним только коровкам худо: как-то батюшка сам уголь в кадило сыпал, неуклюже сыпал, отвык, подрясник прожёт. Всё что-то из рук валится.

А ещё потом было, один зувский мужик поехал как-то в район картошки продать, вернулся без картошки и без денег и в глаз получил. Говорил: «Был бы здесь Коля, шиш бы они мне».

И так-то всё кругом провисло, ослабло...

Но зато потом Колю увидели! Увидели в новостях. Со спины, правда. Подхватил медведь одной ручищей раненого, бежит, свободной лапой пятерых зелёных раскидал. Пули свистят – его не берут! Мины воют, земля дыбится, страшно. Увидал на бегу – ещё один свой скovyрнулся, и того подобрал. Живёт силушка, других из-под смерти уносит!

Ну? И кто же это ещё, как не Коля?

Батюшка среди недели затеял по этому случаю обедню о здравии, Колю поминать. Колокольня разливалась! Обрадовались все, что Коля нашёлся, только об этом потом и разговаривали.

Больше всех, конечно, этой новости радовался пастух: совсем ведь пастуха ни одна скoтина не слушает, измучился. Говорил: «Раз Коля там объявился, значит, всё у них теперь наладится. Будем ждать».

И то правда, скорее бы уже наладилось, скорее бы уже возвращался Коля – скорее бы зувским коровкам облегчение...

Мангал

Бабка Фрося проживала свой век в родной Воробьёвке. Ей только-только перевалило за сотню, но соседи давным-давно уважительно величали её «наш древний экспонат». Жила бабулька скромно: копалась в огороде, водила гусей, с того и кормилась. Её единственная дочь – бабушка Маруся – слыла теперь покладистой девкой. В молодости, было дело, покурлеси́ла, но теперь уже много лет пребывала вместе с мамой, почитала её. Ещё в хате водился кот. Других сожителей у старух не было. Не было и родных.

В свою восьмидесятую осень дочка Маруся как-то предложила:

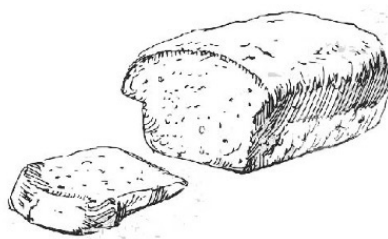
– Ды, мама, ды чаво ж мы на одну-то мою пенсию существуем? Давайте вам хоть какую копейку выхлопочем. Вон, картоху не покупають. Сорок мяшков сами-то, что ль, с вами поядим? Ехайте в район, хлопочитя.

Бабка Фрося привыкла от зари до темна вкалывать и совершенно не умела хлопотать по кабинетам. Лет сорок назад, когда она – бывшая до войны «элементом», а весь оставшийся век «пережитком», потому как богомольная, – сунулась хлопотать о пенсии, с неё затребовали колхозные справки. В колхозе бабка не состояла, поэтому справок у неё не нашлось.

Каким-то необъяснимым чудом, правда, паспорт себе всё же спроворила, но с тех пор о «хлопотаниях» она и слушать не желала. А посему осадил «дочку»:

– Табе надо, ты и ехай. Чаво не хватает? Землю, как в те года, не отымають, картох Господь нонче сколь послал, авось продадим. Хлеб, вот он, со стола не сходит... – Она взяла буханку, сунула дочери в нос. Потом поднесла к своему крючковатому и с наслаждением потянула воздух: – Это ж не хлеб – пасха! Когда лебеду ели, и под праздник такой не снился.

Бабка Маруська покорила матери и решила сама на досуге съездить насчёт её пенсии.

И то верно, что на досуге. Теперь сельский год на исходе. До хлопотаний ли? Дожди на носу, а картошка не пристроена, огород не копан, дрова не колоты, трубу бы ещё к зиме переложить... «Ничего, Бог даст, всё осилим».

Старшую бабку на огород последние лет пять провожала младшая. Нет, у бабки Фроси силушка в руках ещё пребывала и в ногах немного прыти оставалось. Вот только чтобы передвигаться, эти «прыткие» ноги надобно переставлять, а как раз на это сил не осталось вовсе. С рассветом бабка Маруся выносила мать на закорках. Вынесет, установит в начале огородной полосы, перегнёт её пополам и вручит на потребу инструмент. Полоть – значит, тяпку. Копать – значит, сапёрную лопатку. Так до заката бабка и движется по грядкам носом вниз, где лопаткой, а где и пальцами перетирает земной прах. Вечером – всё в обратном порядке: дочь мамку разгибает и транспортирует в хату.

Теперь уже неизвестно, сколько бы продолжался такой привычный уклад. Как-то, в ту осень, бабушка Фрося отработала свой трудовой день до срока, не стала дожидаться дочери, попыталась разогнуться без подмоги. Тут-то её нога и подломилась. С закатом Маруся нашла мать лежащую в борозде и что-то бормочущую.

Врач прибыл уже к ночи. Осмотрел старуху, объявил: «Перелом». Ещё он рассказал дочери, что в таком почтенном возрасте переломы не устраняются. Потом отвёл бабушку Марусю в сторонку и предупредил, что ей придётся туго: сердце у пациентки «как молодое», здоровье лошадиное. Когда-когда ещё помрёт, а до этого её, лежащую, надо обихаживать. Дочка пока ещё не понимала, что за беда приключилась в их хате, она с улыбкой отмахнулась.

Когда врач спускался с крылечка, он обернулся и спросил:

– Да! Старушка-то... приезжая, что ли? Карточку-то её мы не нашли.

– Своя, своя, – закивала дочь, – всю жизнь наша, воробьёвская. Она просто в больнице ишо не бывала, вот и... Здоровая она у мене, вот и...

Удивлённый врач покачал головой, улыбнулся.

И у старух началась новая непривычная жизнь.

Маруся теперь горбатилась за двоих. Благо вскоре зарядили осенние дожди. Село раскисло. За порогом хаты стихла всякая суета. В порожние часы бабушка Маруся присаживалась на мамину койку, устраивала бабушку Фросю в подушки, и обе старушки давили локтями подоконник. А за окном серо. Облетевшая груша царапает веткой стекло, намокший воробей нахотился и сучает. Иной раз посерёд дороги угрызнет грузовик...

Первый снег выпал и сошёл. Второй улёгся надёжно. Вот и все новости. Хотя... одна новинка завелась-таки в убогонькой старушечьей хате. И название у неё заморское – «памперсы». Насколько сильно это явление «кусается», бабушка Маруся сообразила скоро. Картошку она продала, пенсию получала исправно, скоро уже и гусей щипать-торговать – Рождество вот-вот. Обычно к концу года в хате заводилась копеечка, а теперь что-то нет её. Бабушка Маруся стала смекать, что наступил досуг похлопотать в районе о маминной пенсии, и, собираясь с гусями на базар, она решила посетить собес. Матери, правда, не сказала, молча захватила её паспорт...

Воробьёвских гусей в районе ценили. Бабушка расторговалась, когда ещё хмурилось декабрьское утро, и напрямиком – в собес. К вечеру подошла её очередь. Уставшая за день работница взяла у старушки мамин паспорт и с недоумением его разглядывала. Потом встрепенулась и возмутилась:

– Что вы мне голову морочите? Какую вам надо пенсию? Какой ещё маме? Вам сколько? Восемьдесят? Ааа... понятно... А какой сейчас год? Ну да, ну да, двухтысячный. В здравом уме, значит... А месяц? Ну правильно, декабрь... Ничего не понимаю.

Она с недоумением разглядывала пожелтевший паспорт с буквами СССР на корочке, где на первой странице внизу, в уголке, с жёлтой фотографии 3х4 застенчиво улыбалась пожилая крестьянка в чёрном платке, а год рождения этой самой крестьянки обозначался позеленевшими чернилами. Работница позвала:

– Лен, Люд, пойдите сюда, чего покажу.

Из-за соседних столов выпорхнули молодые чиновницы.

– Вот...

– Что? Какого года? 1899? Где это вы такой паспорт взяли? В музее? Какую пенсию? Ну-ка...

Одна из подошедших пощёлкала на компьютере.

– Нет у нас в районе таких. Не значится. Вы, бабуля, не староваты мошенничать-то? Какая ещё мама? Нет, ну предположим, мы вам верим. А документы? Что «паспорт-паспорт»? А справки? А нормальный паспорт? Другого нет? Ну не знаю. Это вам надо с начальником. Только его... Он... Знаете что, сходите в архив... или в райадминистрацию...

Когда столетняя бабка Фрося слегла, она по-настоящему испугалась. Быстро поняла, что голод и раскулачивание, в сравнении с беспомощностью, сушие мелочи. Всякий раз, если дочь исчезала надолго из вида, старуха волновалась.

А вдруг что с Маруськой? Ей всякий раз грезилось, что дочь так же вот на огороде сломает ногу и будет лежать, пока весной не оттает. Поэтому мать и наловчилась кричать. Как только Маруська замешкается во дворе, бабка Фрося глубоко вдыхает, напрягается и: «Марусь... кхе-кхе... кяааа!» Передышка, и снова: «Марусь... кяаа-аа-ааа». Маруська, заслышав придушенное «кяаа-аа-ааа», отвлекается от sprawy, прислушивается и: «Бягуу!!! Бягууу!!!»...

...Давно стемнело. Прикинув, что мама за день изволновалась и сорвала воплями глотку, Маруська безо всяких архивов направилась сразу к районному главе. Благо до электрички оставалось ещё время. Ей редко везло, но в этот раз глава сидел в своём кресле. Водитель топтался в приёмной, ждал. Секретарша истомилась. Бабулю приняли сразу.

– Что у вас? Откуда? А, Воробьёвья? Воробьёвочья?

Глава, как и весь район, посмеивался над захоластными воробьёвцами. Уж больно потешно те разговаривают. Не «селёдка» говорят, а «сялёдка», не «пьют молочко», а «ядять молочкё». С непривычки так не сразу выговоришь.

– Так. Насчёт пенсии... А собес что? Вот ведь бара... Ко мне-то зачем... отвернулись, парази... Что ещё за паспорт? Ну-ка... Это... Ого! Она что, живая?! Поможем, обязательно! Материальное – это да... Благостояние граждан. Вот ведь экспонат! Наш долг каждому... Принимать участие граждан... Поможем. Да-да. Езжай домой в свою эту... как?., да-да, Воробьёвкю, хе-хе! Леночка, зайти! Отчёт ещё не отправляли? Переделайте... там это... Сколько хрычёвке-то? Ну, маме, маме! Сто? Рекордсмен района, показатели переделайте, мол, благодаря действиям руководства средняя продолжительность жизни в районе увеличилась на сколько-то там процентов. Идите считайте... Всё, бабуля, домой, домой, к маме. Ждите, поможем... Леночка, запишите её: кто-что... и всё такое...

Потихоньку старушки свыклись со своими обстоятельствами. Поначалу искренне ждали обещанной помощи, потом забылось – перестали. Затянули пояса, как могли, и, когда начался Великий пост, они не заметили на своём столе изменений. Бабка Фрося в пост обычно сама шкандыбала причащаться в соседнее село, где была церковь. Когда она осознала, что для причастия придётся приглашать священника домой, беспокоить его, она было передумала... Покумекала, да «куды денесся», и послала дочь за попом.

Батюшка явился через три дня, как и обещал.

– Здравсте, хозяйки, мир вам. А, Евфросинья! Так вот кто у нас слёг! Конечно, как же не помнить! Феноменальная вы. Пятнадцать лет уже каждый пост удивляюсь, когда вы исповедуетесь. Да... Так что вы, готовы? Ну давайте. Сначала исповедь.

Священник проводил «Маруську» в «запечку», чтоб не подслушивала, накрыл болящую епитрахилью и принялся слушать то, что выслушивал от бабушки из года в год. Она, как всегда, расплакалась и запричитала:

– Сколь годов вот уже молюсь, прошу Бога, чтоб прибрал. До финской ишо, когда папаню релюцанеры убили... Потом, когда Петенька в финскую исгинул... Я уж и плачу, всё прошу, прошу: Господи, приברי ты мне.

За чево мне это... Столь годов, одно молюсь, одно прошу. Маруська измучилась...

Чаво? Пост? А как жа, держим. Чаво? Нет, не ругайси. Молитвы? Да я их издетства читаю. Чаво? Как при царе-то жили? Да, а чаво говорить-то? Всё помню... И как церкву у нас строили, и как архирей приезжал. Папаню тогда хвалил, как читает-то на крылосе. Ух и голосистай был! И как рушили потом... А вот ты скажи: кажинный год всё спрошаю, как молиться, чтобы поскорей... За что мне такое наказание Бог послал... Да чево ты всё «нога»-то? Не нога наказание – жисть. Жисть наказание... Лет сорок уж всё прошу, прошу... Какой это тебе грех? Не грех. Грех – это в петлю, руки на себе наложить, а молиться-то – рази грех? Какое ишо уныние? Уныние-то, знамо – грех. Да нет уныния-то. Молюсь, говорю, сил нету... На тот свет давно пора...

Батюшка причастил лежачую прихожанку. Перед тем как Маруська его проводила, он пообещал рабе Божьей Евфросинье, что станет молиться, чтоб Господь её прибрал. Пообещал больше так, чтобы успокоить. Сам он и не думал просить у Бога смерти для своих прихожанок и на первой же литургии вынул частичку «о здравии и спасении рабы Божией Евфросии». И, подумав, добавил от своего чистого молодого сердца: «И о еже умножиться лета живота ея».

...Христово Воскресение в хате встретили весело. Маруська придвинула к болящей койке стол, на стол водрузила жареного гуся. Каждую Пасху так. Зубов нет у обеих. Бывает, полизуют, пошамкают. Кот уж за всех разговееется. Как смогли пропраздновали Светлую. Раз соседка в гости заходила, другой раз сосед наведалься...

Накануне Дня Победы Маруська одолела огород – посадила картошку Трещины на руках забились землёй, чёрные пальцы перестали отмываться. С вечера оттирать их она поленилась. Потом пожалела...

А в День Победы радио играло марши, передавало московский парад. Маруська стояла у рукомыника и железной щёткой пыталась привести руки в праздничный вид, когда к их дому подрулил узик. Из него выпорхнула барышня с фотоаппаратом и ласточкой влетела в хату. Поздоровалась, назвалась корреспондентом районки и велела хозяйкам приодеться, потому что с минуты на минуту прибудет сам районный глава проведать старожил-ветеранов, оказать достойную помощь, а она, значит, это торжество станет фотографировать. Бабка Фрося на своей кровати от волнения сразу онемела, а Маруська начала заикаться. С горем пополам

корреспондентке всё же удалось выяснить, где у старушек хранятся чистые платки, найти их и повязать обеим «ветеранам» седые головы. Сразу после этого возле хаты закричала тормозами административная «Волга».

Глава появился в убогом жилище шумно. В руках барышни-газетчицы заклацал затвором «Зенит», вспышка ослепила старух и ещё больше их взволновала. Гость зашумел «речь», в которой говорилось в том числе и о достижениях района. Ну, как вот только что, на митинге, перестроиться не успел. Окончив говорить, присел на кровать к болящей бабушке Фросе, расплылся в улыбке, и фотовспышка опять уколола старух сквозь влажные глаза прямо в мозг. Что-то говорил глава про оказание помощи пожилым, про выборы... От волнения старухи ничего не разобрали. Распрощался почётный гость так же внезапно и шумно, как и появился. Когда он вышел, в хате появился его водитель и сообщил хозяйкам, что всем ветеранам района от лица главы сегодня раздаётся «матерьяльная помощь» и что их «помощь» он в хату не понесёт, оставит на крыльце, «сами потом разберётесь».

После дорогих гостей бабка Фрося и её старенькая дочь Маруся долго сидели друг против дружки, всё не могли опомниться. Солнце в расшторенное корреспонденткой окошко заливало их комнату. В солнечных лучах висели пылинки, растревоженные гостями. Протёртые половики заботливая газетчица сторнула к печке, «чтоб гостям не споткнуться». Маруся отрешённо смотрела на древние доски пола. В одном месте, под слоями краски, бугрилась квадратная шляпка гвоздя. Из щелей в полу тянуло прохладой и плесенью. Когда она успокоилась, то спохватилась, что не спросила у начальника про мамину пенсию, но было уже поздно. Погоревала, вздохнула. Расправила половики. В окно увидала, что гости бросили калитку распахнутой, и пошла её закрывать...

...«Матерьяльной помощью для ветеранов» в том памятном году стали сварные мангалы, которыми был завален склад маленького районного заводика. Железо, из которого их произвели, назначалось на ремонт вагонов, но некстати приключилась всероссийская независимость, и ремонт вагонов прекратился. Мангалы получились неподъёмными, богатыми и сразу ржавыми. Раскупать их никто не торопился. На кой? На мясо-то денег нет. В комплекте к мангалу полагались и шампуры. Их произвели из арматуры. Надёжно. Однако даже в такой справной комплектации это страшное изделие не брали.

Пыльный мешок, в котором покоился очередной мангал, водитель главы оставил посреди крыльца. Бабка Маруся шла закрывать калитку, сослепу его не заметила. Споткнулась, упала, сломала ногу, ушибла голову. До сумерек пролежала под праздничным майским солнцем на крыльце. Ни разу не охнула. Временами приходила в память, пыталась подняться, а нога подламывается. Временами теряла сознание, и беззубый рот её начинал младенчески улыбаться.

Уже в сумерках заглянула соседка – увидала распахнутую калитку, забеспокоилась. А тут и болящая в хате как раз принялась петь своё «Маруся... кяаа!».

Черёмуха в ту пору ещё не отцвела...

Рабу Божию Марию отпевали там же, в хате. До церкви везти машины не нашлось. Хотя кому её – машину-то – особо искать? Кое-как пристроили гроб подле маминой кровати. Батюшку соседка привезла – и то ладно. Батюшка ещё всё жаловался, что тесно, мол, вокруг гроба никак не просунуться.

Гремело кадило, Марусяка лежала вся в черёмухе и улыбалась...

Праздник жизни (рождественский рассказ)

На выезде из села, у моста через тихую речушку, открылась забегаловка «Надежда». Место здесь оживлённое, хорошее – мимо единственного моста никому не пройти. Окна вечерами заманчиво светятся, приглашают, и железные двери на пружинах то и дело лязгают обеими створками, словно челюсти фантастического насекомого: зазевался – хват! – поглотило кого-то насекомое и переваривает.

В ночь с шестого на седьмое января, в самое Рождество, в пустом родительском доме тосковал одинокий отставной майор военно-воздушных сил Филиппыч. Выйдя на пенсию, он решил наконец вернуться на свою родину и поселиться в отчем доме, где печь. Родители умерли, детей нет, брат остался дослуживать в Таджикистане. А жена кого-то себе завела и сбежала, как только поняла, что её муж-пенсионер, кроме как гонять на штурмовиках, ничего не умеет в жизни делать.

Филиппыч с дороги бродил по селу, тешась воспоминаниями былой счастливой юности, которые живут здесь в каждом закоулке, в каждом овраге. Селяне подозрительно косились на незнакомого человека с чемоданом, на его бушлат цвета пасмурного неба. Филиппыч не встретил ни одного знакомого лица. Село изменилось. Дома окривели, стали ниже, люди старше. Даже церковь, где они мальцами курили, прячась от одноногого школьного директора, изменилась: там, где прежде на кирпичных сводах зеленели заросли клёна, теперь оцинкованная крыша. Вокруг храма – забор. Филиппыч хотел было зайти внутрь, посмотреть, целы ли фрески, которые он так любил разглядывать в детстве, но постеснялся. А любопытно было бы. Там на западной стене тогда ещё просматривались страшные серые черти – «ефиопы», как называла их покойная мать. Они мучили грешников. Кого заставляли лизать красную, раскалённую сковородку греховным языком, кого варили в большом казане. А некоторых, особенных, испытывали нестерпимым холодом. Те, помнится, будто бы в самом деле коченели, дрожали и поджимали тощие ноги, словно воробьи, от бесплодного желания согреться. Эту часть ада старушки называли «тартар». Жуть, как там холодно.

Майор добрёл до своего дома, забрал у соседки ключи, протопил печь и немного вздремнул. Когда проснулся, врубил телевизор в надежде развлечься, а там, как назло, ничего интересного – Патриаршая служба. Попы спуют взад-вперёд, поют что-то. Тоска...

Лётчик выключил телевизор, посмотрел на часы – без пяти двенадцать. Высунулся с крыльца – мороз! Узкий-узкий умытый месяц сидит на соседской антенне. Церковь всюю трезвонит. Зима тихо едет над кроткими хатами. По окрестным полям рассыпались бриллианты, переливаются. Тихий праздник на всей планете и звёзды, звёзды... Сплошные звёзды!

Филиппыч снял с печки свои армейские ботинки, надел бушлат и в раздумье, чем бы заняться, вышел на улицу.

– Куда бы податься? Друзей – никого. На дворе Рождество, нужно бы отметить, а где? Не в церкви же, в самом деле.

Тут Филиппыч вспомнил о новом кабаке, который увидел днём у моста, когда гулял. В кармане у молодого пенсионера пока ещё шуршало...

Когда за спиной майора лязгнули железные челюсти «Надежды», ему почудилось веселье: пошлый свет озарял столики, за которыми не было свободных мест. Воздуха, кажется, тоже не было – в плотный сизый дым вросла облезлая ёлка. Он разглядел в дыму стойку и уселся. Рыжий труженик бара долго пристально всматривался в лицо Филиппыча. Наконец выдавил:

– Воробей? Ты, что ли?

Ух!.. Запахло почти забытым, ведь это его – Филиппыча – дразнили в детстве Воробьем.

– Рыжий?.. Рыжий!!!

– Воробей!

И давние приятели кинулись обниматься.

– Мужики! – заорал Рыжий. – Мужики! Воробей приехал!

Из-за ближнего хромого столика выскочили три небритых мужика, упакованных в равные фуфайки.

– Воробей!

– Гусь! Славка! Бабуин! – Филиппыч узнал своих одноклассников. – С Рождеством вас, пацаны!

– С Рождеством! С приездом! Четверть века не видались!

За липким столиком для Филиппыча нашлось лучшее место. Он зашуршал в бумажнике. Магнитофон заблажил про лесоповал, и друзья чокнулись:

– За Рождество!

– За Рождество! Святое дело!

Потом гремели тосты «за встречу», «за баб», «за дружбу», «за родителей» и ещё какие-то... Много всяких. Когда водки от души наелись, Рыжий принёс по кружечке пивка. Выпили за «доблестные военно-воздушные силы!». Опрокинув кружку, Филиппыч вскочил и заорал в потолок:

– Становись! Р-равняйся!

Потом обратился к двоящимся друзьям:

– А вы хоть в армии-то б-были? Вы хоть знаете, что это, а? Я вот пробегаю утром по плацу, солдатики стоят. Я им: «Р-равняйся!» – Филиппыч козырнул, – а они только мэ-мэ-мэ. «Да я вас всех!!!» – говорю, а что с них возьмешь, с таджиков?

– С таджиков?

– Так точно!

Пьяный Филиппыч держался за стол и орал так, что в кабаке посматривали на него с опаской. Когда он повёл, перекивая магнитофон, о том, каково жарко в тех местах, где он служил, то стало вдруг и впрямь жарко. Он решил снять ботинки. Отцепившись от залапанного стола, Филиппыч рухнул. Он возился лёжа, развязывал шнурки. Когда его наконец подняли и усадили, Рыжий принёс ещё по кружке пива. Пить Филиппычу очень хотелось. Влив кружку в плотку, он закурил, а его левая рука сама намотала шнурки от ботинок на запястье правой...

...Гомон повис в дыму, мысли спутались. Где-то рядом грохнулся о кафель и разлетелся повсюду стакан. Стены текли. Где-то в липком мареве братались, уважали друг друга, всхлипывали невидимые люди. Где-то хохотали, орали. Торчала в дыму чужая серая ёлка. Под чужим потолком надрывался блатной магнитофон. Одиночество смотрело на бывшего лётчика из пьяного пространства – сидит в гомоне тихое-тихое и пялит зелёные очи...

...Постепенно Филиппыч перестал понимать, кто он и где находится, кто с ним рядом. Навалилась тоска по детству, по друзьям. Не по этим хитрым пропитым рожам, плывущим напротив, а по тем искренним Славке, Гусю, Рыжему, Бабуину, с которыми он любил мечтать, любил прятаться в разрушенной церкви и, покуривая тыренный у отца «Север», разглядывать фрески про грешников и «ефиопов»...

Вдруг в голове Филиппыча заискрило и щёлкнуло – включился застарелый войсковой рефлекс. Он вскочил и заорал:

– Становись! А ну, узкоглазые, р-равняйся! – машинально взял «под козырёк», и ботинки, привязанные к запястью, больно отоварили пьяного Гуся.

- Шшшалава! – зашипел Гусь.
- Это кто тут «узкоглазые»?! – просипел Бабуин. А Славка ничего не сказал – просто встал, развернулся и треснул Воробья, хотя и пил целую ночь на его счёт. Прибежал Рыжий:
- Мужики, вы чего, эй! Сегодня в деревне ППС дежурит...
- Рыжая морда! – выдохнул Славка и засветил бармену в ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.